

Научная статья
УДК 903.532(477)
DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-189-199

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ХОРЫ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА VI–III ВВ. ДО Н. Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕЛЬСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ)*

Снытко И. А.

*Николаевский областной краеведческий музей
г. Николаев, Украина
e-mail: maharadze_v@mail.ru*

* перевод с украинского В. Зуева

Поступила в редакцию 04.10.2025

После доработки 24.10.2025

Принята к публикации 07.11.2025

Аннотация

Цель. На базе многолетних исследований некрополей сельской округи Ольвии рассматриваются вопросы, связанные с этническим составом населения аграрной территории Ольвийского государства.

Процедура и методы. Имеющиеся на нынешнее время археологические материалы свидетельствуют о том, что титульным этносом среди жителей полиса, начиная со времён колонизации Нижнего Побужья и в дальнейшем, был греческий. Методами анализа археологического материала проведено исследование характерных признаков этнического состава населения.

Результаты. В процессе исследования отмечается изначальная гетерогенность самого ионийского населения, принимавшего участие в колонизационном процессе. Учитывалось и присутствие среди жителей хоры и местного населения Северного Причерноморья (скифы, фракийцы). Однако, на фоне безусловного восприятия выходцами из местных причерноморских племён, которые могли проживать на хоре, греческой идеологии, культуры и быта, а также невозможности выделения чётких, именно варварских особенностей ритуала, какие-либо определённые черты варварских традиций в погребальной практике, присущей сельским некрополям Ольвийского полиса, не прослеживаются.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённый анализ проблемы этнического состава населения хоры Ольвийского полиса в указанный период позволил конкретнее представить проблему в её многоаспектном ракурсе.

Ключевые слова: Ольвия, полис, хора, греческая колонизация, этнос, греки, скифы

Для цитирования:

Снытко И. А. Этнический состав населения хоры Ольвийского полиса VI–III вв. до н.э. (по материалам исследований сельских некрополей) / пер. с укр. В. Зуева // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. V. С. 189–199.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-189-199

Original research article

ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF THE CHORA OF THE OLBIAN POLIS OF THE VI–III CENTURIES BC (BASED ON STUDIES OF RURAL NECROPOLISES)*

I. Snytko

Nikolaev region museum of Lokal History

Nikolayev, Ukraine

e-mail: maharadze_v@mail.ru

** translation from Ukrainian by V. Zuev*

Received 04.10.2025

Revised 24.10.2025

Accepted 07.11.2025

Abstract

Aim. The proposed article, based on long-term studies of necropolises in the rural area of Olbia, examines issues related to the ethnic composition of the population of the agrarian territory of the Olbian state.

Methodology. The archaeological materials available at present indicate that the titular ethnic group among the inhabitants of the polis, beginning with the colonization of the Lower Bug region and later, was Greek. The methods of analysis of archaeological material were used to study the characteristic features of the ethnic composition of the population.

Results. The study notes the initial heterogeneity of the Ionian population itself, which took part in the colonization process. The presence of the local population of the Northern Black Sea region (Scythians, Thracians) among the inhabitants of the chora was also taken into account. However, against the background of the unconditional perception by the natives of the local Black Sea tribes, who could live in the chora, of Greek ideology, culture and life, as well as the impossibility of identifying clear, specifically barbaric features of the ritual. No specific features of barbarian traditions can be traced in the burial practices inherent in the rural necropolises of the Olbian polis.

Research implications. The conducted analysis of the problem of the ethnic composition of the population of the chora of the Olbian polis in the specified period allowed us to more specifically present the problem in its multifaceted perspective.

Keywords: Olbia, polis, chora, Greek colonization, ethnos, Greeks, Scythians

For citation:

Snytko, I. A. (2026). Ethnic composition of the population of the chora of the Olbian polis of the VI–III centuries BC (based on studies of rural necropolises). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2026, no. 2, Circumpontica, iss. V, pp. 189–199. DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-189-199

Введение

Принципиальные вопросы, связанные с определением этнической составляющей населения Ольвийского полиса от самого начала древнегреческой колонизации Нижнего Побужья и на протяжении его почти тысячелетнего существования, продолжают оставаться ак-

туальными. Особенно это касается ранней ольвийской истории. В современной науке имеются 2 основных противоположных подхода относительно решения этой проблемы, а как следствие, в античной археологии существуют и 2 основные исследовательские школы – санкт-петербургская и киевская [1], которые

по-разному трактуют характер и взаимобаланс греко-варварских отношений на территории Северного Причерноморья и, непосредственно, в регионе Нижнего Побужья.

Представители так называемой «варварской» школы (Санкт-Петербург) продолжают базировать свои исследования на традиционных взглядах, сформированных ещё в конце XIX – начале XX столетия и окончательно утвердившихся в 1940–1950-х гг., когда ещё не было чётко сформулировано само понятие **хора Ольвийского полиса**. Отметим, что в Российской империи, как и далее, уже в советские времена, при решении этнических вопросов, при всесторонней поддержке общегосударственной политики, верховенствовала тенденция, способствовавшая приданию в вопросах этноса «абсолютной прерогативы» и «решающей роли» местным, «автохтонным» племенам и, порой, искусственного определения их лидирующих позиций в культурно-исторических процессах. Это на фоне заидеологизированности исторической науки в те времена вынуждало исследователей Ольвии и её хоры иногда делать неоправданные, а порой и просто надуманные, исторические и этнокультурные реконструкции [2, с. 67].

Определённые отголоски этой тенденции прослеживаются и во взглядах представителей современной «варварской школы». Так, используя античные литературные источники, в основном, «скифский логос» Геродота, исследователями совершаются попытки внести коррективы в традиционные основы древнегреческого колониального общества, ссылаясь на особенности его развития в условиях Северного Причерноморья. При этом данным особенностям уделяется чрезмерно завышенное внимание, а иногда даже упускается из поля зрения тот факт, что объектом исследования всё же является греческое колониальное сообщество со своей спецификой и изначальной социально-демографической и обществен-

но-политической организацией. Также, что касается археологического контекста, в качестве «традиционно варварских» подаются отдельные компоненты, как то земляночная жилищная архитектура первых колонистов и лепная керамика, якобы не характерная для древних греков, и на этой базе строятся этнические и социально-политические модели Ольвийского государства, согласно которым преобладающее большинство населения полиса составляли варвары – скифы, фракийцы, эллины, смешанные с варварами путём совместных браков и вообще эллинизированное местное население с до конца неясной этнической и социальной составляющей [3; 4].

Более современными, базирующимися на интенсивном археологическом изучении Ольвии и масштабных исследованиях памятников её хоры в 1970–1990-е гг. и в начале нового тысячелетия, являются научные взгляды на эту проблему представителей киевской школы. Они сформированы на комплексном подходе в решении этно-социальных вопросов и анализе археологического материала, эпиграфических и нарративных источников. Согласно разработкам киевских учёных, подавляющее большинство жителей Ольвийского государства с начала колонизации Нижнего Побужья составляли греки ионийцы [5; 6; 7]. В то же время отмечается изначальная гетерогенность самого ионийского колониального населения и не отрицается предположение о возможности присутствия на территории полиса определённых прослоек выходцев из местных причерноморских племён (скифы, фракийцы), которые по разным обстоятельствам были привлечены к сфере древнегреческого жизненного уклада [5, с. 90 сл.; 8, с. 120–121]. Таким образом, киевским учёным присущ поиск консенсуса относительно решения этой проблемы так же, как и многолетнему Санкт-Петербургскому исследователю греко-варварских взаимоотношений в Северном Причерноморье Я. В. До-

манскому, который считал одинаково далекими от науки установки на провозглашение решающей роли варваров в жизнедеятельности северопрichernоморских античных центров, или, наоборот, недопустимость любого присутствия варваров на их территории [9, с. 158].

Так или иначе, но почти все наиболее важные показатели материальной и духовной культуры указывают на то, что титульным этносом на хоре Ольвийского полиса, как и в самом городе, был греческий [7, с. 236]. Местный варварский контингент, если таковой и присутствовал в той или иной численной степени на разных исторических этапах функционирования Ольвийского государства, был, несомненно, вовлечённым в сферу греческой экономики, культуры и быта, но существенно не влиял на развитие античной цивилизации в Нижнем Побужье. С самого начала колонизации региона Ольвийский полис был автономным и автаркичным – экономически самодостаточным. Особенности жизнедеятельности города были обусловлены спецификой его эволюции в условиях отдалённости от основного ареала концентрации античных государств. Эти особенности нашли наибольшее отображение в сфере культуры. Они в подавляющем большинстве стали продуктом собственной эволюции античных традиций, а не следствием варварского влияния [10, с. 18–19].

Анализ археологического материала

Подкреплением этому является и анализ материалов из раскопок сельских некрополей¹. Отметим, что и в этом вопросе даже до нынешнего времени присутствовали определённые научные

¹ На нынешнее время зафиксировано и частично исследовано 14 некрополей позднеархаического и раннеклассического периодов и 12 некрополей классико-эллинистической эпохи в разных частях Ольвийского государства (побережья Бугского, Днепро-Бугского и Березанского лиманов) на которых в общем раскопано более 500 погребений [11, с. 16].

споры, связанные с различной локализацией частично исследованного ещё в 1911 г. М. Эбертом так называемого Марицинского могильника (Аджигольський и Петуховський некрополи) и, вообще, подкурганых погребений позднеархаической – раннеклассической эпох на античных некрополях Ольвийской хоры (Матросовский, Северный и Южный некрополи у с. Прибутское, Дидова Хата, Лупарево). На это мы уже неоднократно обращали внимание [11, с. 72 сл.; 12; 13, с. 91–104].

Также подчеркнём, что целиком логичными, на определённом этапе исследований, можно считать взгляды учёных относительно подкурганых погребений Аджигола, которые действительно несколько напоминают лесостепные и степные, и выделение их в так называемый локальный вариант скифской культуры [13, с. 43; 14, с. 17], или в приольвийскую группу скифских памятников [15, с. 198 сл.]. Такое мнение было сформировано ещё на базе устаревших взглядов на хору Ольвийского полиса, до выхода в свет итоговых результатов новых массовых исследований ольвийской сельской округи 1970–80-х гг. [5; 6] и начала систематического изучения древнегреческих некрополей хоры [11].

Новые исследования позднеархаических и раннеклассических сельских некрополей дали повод пересмотреть выводы учёных-скифологов относительно подкурганых погребений Аджигола и присоединиться к гипотезе, выдвинутой ещё В. В. Лапиным [16, с. 174] и подкреплённой палеоантропологическими исследованиями А. Шлица [17, р. 140 ff.], что эти могилы были оставлены ионийскими греками – жителями ольвийской хоры. Следует вообще поставить под сомнение тезис о существовании так называемого локального варианта скифской культуры в пределах сельскохозяйственной территории Ольвийского государства [11; 18, с. 23–24]. Вместо этого предложено рассматривать наличие

подкурганых погребений на ольвийских сельских некрополях не в этнической, а в социальной плоскости, как свидетельство определённой имущественной и социальной стратификации населения полиса, начиная с позднеархаического времени [11, с. 139–142; 19, с. 434–438]. Такая мысль является наиболее логичной, учитывая и комплексный анализ материалов сельских некрополей VI–III вв. до н. э., которые имеют прямые аналогии в некрополе Ольвии, других античных центров греческой Ойкумены и целиком соответствуют древнегреческой ритуальной практике.

Тем не менее, несмотря на новейшие исследования, варварская концепция интерпретации Аджигольского некрополя продолжает существовать и имеет своих сторонников среди ряда учёных-скифологов [20; 21, с. 459–463]. К сожалению, исследователями практически не уделяется внимание современным историческим и социально-политическим разработкам в сфере изучения особенностей развития Ольвийского полиса V в. до н. э. и отдаётся предпочтение тем самым технологическим нюансам. Так, исследования продолжают базироваться на ошибочном утверждении Г. Ф. Дебеца, что сооружение курганов якобы не присуще древнегреческому погребальному ритуалу [22, с. 160], на особенностях сооружения ям с деревянными конструкциями, которые имеют аналогии в степи и лесостепи и характерны только скифским племенам. К тому же, используя аналогии как с варварского ареала, так и с некрополей греческих городов, делаются попытки безосновательного варьирования особенностей погребального ритуала (ингумация, кремация), состава сопроводительного реквизита и придания им произвольной этнической идентификации [23, с. 116–135]. При этом не учитывается, что в исторических условиях античной эпохи и тесного греко-варварского взаимодействия методы интерпретации отдельного артефакта, либо

группы артефактов, которые используются исследователями для более ранних стадий развития общества, для античной эпохи являются малопригодными [1, с. 18].

О греческом курганном обряде с эпохи бронзы литературно свидетельствует ещё Гомеровский эпос. Многочисленные и археологические подтверждения [16, с. 17; 24, р. 79–84, fig. 9, 10, р. 105–108, 176–177, fig. 32; 25, с. 169–170]. Исходя из результатов последних исследований, считается, что курганный тип погребений был широко распространён в античном мире и был наиболее популярен в Анатолии, Лидии, Восточной Греции, Западном и Северном Понте [26, р. 52–53]. Не исключено, что на просторах Северного Причерноморья традиция возведения курганов получила дополнительный стимул на ниве новых мифологических представлений, сформированных в процессе ознакомления греков с культурой, идеологией местных племён и особенностями их погребального курганного обряда [27, с. 75].

Что касается ямных погребальных сооружений с использованием дерева, то они, вероятнее всего, по традиции, которая была присуща с древности не только грекам, но и многим европейским народам, имитировали обыкновенные земляночные и полуземляночные жилища первых колонистов [11, с. 75–77]. Это же касается и скифских ямных подкурганых погребений лесостепи. Тем не менее данное предположение, подкреплённое культурно-историческими реалиями, даже не учитывается современными приверженцами варварской локализации подкурганых погребений не только в античных некрополях Нижнего Побужья, но и для похожих погребальных сооружений лесостепи.

Сооружение тех или иных типов захоронений следует считать явлением региональным, рассмотрение которого в этнокультурной плоскости необходимо проводить в контексте наличия в том или

ином районе синхронной архитектуры жилых комплексов, природных ресурсов и экономического уровня развития общества [27, с. 75–77, 166–172, 203–208].

Современными скифологами совсем не берутся во внимание топографические особенности расположения античных некрополей Нижнего Побужья с архаического времени, системный, заранее продуманный, цивилизованный характер их размещения относительно синхронных селитебных зон, дорог и аграрных территорий, что практиковали греки и в других регионах Ойкумены [19, с. 434–438; 28, с. 165–168]. Хотя уже сами принципы участкового территориального размещения некрополей (курганные и бескурганые участки, синхронные участки с различными типами погребальных сооружений) и создание курганных мемориальных аллей вдоль дорог между отдельными поселениями, организация больших общих некрополей для населённых пунктов отдельных микрорегионов, в общем, свидетельствуют о эллинской ритуальной культуре населения хоры Ольвийского полиса.

Необходимо отметить и некоторые особенности в погребальном обряде, которые характерны для отдельных районов хоры. Так, в некрополе у Лагерной косы, погребённые, в отличие от иных территорий полиса, ориентированы преимущественно головой к западу. Заметим, что в разных городах Греции доминировала разная ориентация – западная, как, скажем, в Афинах, либо восточная, как в Мегарах. В Халкиде в VI в. до н.э. женщин хоронили головой к востоку, а мужчин к западу [29, с. 175]. Так что, традиционной, или присущей грекам можно считать широтную – как восточную, так и западную ориентацию.

Что же касается ионийских колониальных полисов Северо-Западного Причерноморья и непосредственно Ольвии, то здесь восточная ориентация с архаического времени составляет 87% всех погребений. Доминирует она и в классиче-

ский период и далее [29, с. 174]. Такая же тенденция характерна и для некрополей периферии [11]. Прерогативная западная ориентация умерших в микрорегионе Лагерной косы, в непосредственной близости от святилища Ахилла на Бейкуше (поселение Малая Черноморка-II – Бейкуш), возможно, является подтверждением гипотезы А. С. Русяевой о том, что район устья Березанского лимана со времён колонизации заселялся контингентом, который происходил из определённой области Ионии, где культ Ахилла был в особом почёте [30, с. 180–181] и в котором, на наш взгляд, была прерогативной именно западная ориентация погребённых (головой к Эребу), вероятнее всего, в контексте культа героя, как «Царя в царстве мёртвых» [11, с. 32; 20; 21].

Также наиболее вероятно, что такая ориентация погребённых является дополнительным свидетельством изначальной гетерогенности греческих колонистов, которые заселяли Нижнее Побужье на разных этапах колонизации региона. О гетерогенности греческого ионийского населения хоры Ольвии и ближайшего ольвийского приграничья свидетельствуют и антропологические исследования на некрополе Кашарского поселения, где кроме основного средиземноморского (греки), нордического (варварского), антропологи выделяют даже незначительный, хотя и достаточно выразительный арменоидальный тип, который связывают со смешанным составом греческих колонистов [31, р. 61].

Не секрет, что милетяне, по свидетельству древних источников, брали себе в жёны карийских женщин. В ионийских городах проживали фракийцы, карийцы, ликийцы, кавконы, абанты и представители многих других этносов, которые практически ассимилировались с ионийским сообществом [5, с. 91–92], проводившим колонизацию северопричерноморских земель. К тому же отдельные микрорегионы Нижнего Побужья в период колонизации могли заселяться вы-

ходцами из разных ионийских городов, население которых имело именно свои особенности погребального ритуала, как это археологически засвидетельствовано в некрополе Кеп на Боспоре, где первое поселение милетян в дальнейшем было, вероятно, дополнительно заселено колонистами с Теоса [32, с. 45–48].

Определённой проблемой для исследователей является и наличие в некрополях античных городов скорченных костяков, преимущественно безинвентарных. В общем они составляют незначительный процент. В Ольвии и сельских некрополях эти погребения практически единичны [11; 33, с. 20–23; 34, с. 88–93]. Тем не менее наличие скорченного типа погребений не следует объяснять этническими особенностями умерших, т. к. этот обряд был присущим грекам и местным племенам Причерноморья только в эпоху бронзы. В античный период как для греков, так и для варварских народов Северного Причерноморья было характерным вытянутое на спине труположение. Также не до конца исчерпывающим выглядит утверждение касательно низкого социального статуса умерших, похороненных в скорченном положении [35, с. 74–75]. Разрешение проблемы скорченных погребений, на наш взгляд, не требует чрезмерных дискуссий и кроется, прежде всего, в пережитках родового строя у древних греков, на что и указывают сторонники этой идеи [11; 16, с. 212–229; 33, с. 23; 36, с. 110–116; 37, с. 99–100; 38, с. 153]. Древние традиции в виде реликтовых явлений продолжали сохраняться в некоторых «консервативных» слоях населения (возможно, жрецов старых забы-

тых божеств, «вещунов» и «колдунов»), где столетиями могло почитаться идеологическое наследие предков. Именно выходцы из этой среды, вероятнее всего, могли хоронить своих умерших в «утробном» положении по древнему ритуалу, по примеру предков [11].

Заключение

Таким образом, учитывая все основные компоненты, присущие погребальному ритуалу, можно считать, что преобладающее большинство населения хоры Ольвии VI–III вв. до н.э. составляли ионийские греки. Не исключается и присутствие среди жителей древнегреческих поселений Нижнего Побужья и определённой варварской прослойки. Однако на фоне безусловного восприятия выходцами из местных причерноморских племён, которые могли проживать на хоре, греческой идеологии, культуры и быта, а также, невозможности выделения чётких, именно варварских особенностей ритуала, какие-либо определённые черты варварских традиций в погребальной практике, присущей сельским некрополям Ольвийского полиса, не прослеживаются.

Также необходимо отметить, что местный варварский элемент в составе населения античных поселений Нижнего Побужья, скорее всего, появляется не с самого начала колонизации, а на протяжении определённого продолжительного времени в процессе греко-варварских этнокультурных взаимоотношений в регионе, вследствие которых и была сформирована этнографическая группа эллинской народности – ольвиополитов [5, с. 221].

ЛИТЕРАТУРА

1. Крыжицкий С. Д. О двух тенденциях в исследовании проблем греко-варварского взаимодействия в Нижнем Побужье VI–V вв. до н.э. // *Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. М., Киев, Запорожье, «Дикое поле», 2007. С. 18–25.*
2. Буйських С. Б. Хора Ольвійського поліса (до історії наукової розробки проблеми) // *Археологія. 2007. № 1. С. 66–77.*
3. Марченко К. К. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья в скифскую эпоху // *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 42–136.*

4. Соловьёв С. Л. Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // *Античное Причерноморье*. СПб., 2000. С. 94–111.
5. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. К.: Наукова думка, 1989. 240 с.
6. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). К.: Наукова думка, 1990. 136 с.
7. Буйских С. Б. Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // *ССПК*. 2009. Вып. XV. С. 225–247.
8. Буйских С. Б. К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужье // *ССПК*. 2007. Вып. XIV. С. 110–125.
9. Доманский Я. В. Ольвия и варвары в V в. до н.э. // *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации* // Цхалтубо П. Тбилиси, Мецниереба, 1981. С. 157–163.
10. Крыжицкий С. Д. Ольвия и варвары (проблема влияний) // *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: тез. докл. Ростов-на-Дону, 1994*. С. 18–19.
11. Снитко І. О. Давньогрецькі некрополі хори Ольвії VI–III ст. до н.е. К.: Видавець Олег Філюк, 2015. 239 с.
12. Снитко І. О. Підкурғанні поховання некрополів хори Ольвії VI–V ст. до н.е. // *Археологія*. 2011. № 1. С. 11–22.
13. Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. К.: Наукова думка, 1984. 133 с.
14. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья / Е. В. Черненко, С. С. Бессонова, Ю. В. Болтрик, С. П. Полин, С. А. Скорый, Н. М. Бокий, Ю. С. Гребенников. К.: Наукова думка, 1986. 368 с.
15. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н.э. К.: Наукова думка, 1983. 379 с.
16. Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К.: Наукова думка, 1966. 240 с.
17. Schliz A. Beitrage zur prähistorischen Ethnologie. II. Die Grabhügel auf dem Gute Maritzyn // *PZ*. 1913. Bd. V. Heft 1–2. P. 114–148.
18. Крижицкий С. Д. Ольвия і скифи у V ст. до н.е. До питання про «скифський протекторат» // *Археологія*. 2001. № 2. С. 21–36.
19. Снытко И. А. О древнегреческой традиции возведения мемориальных аллей в Нижнем Побужье в античную эпоху // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности. Археологический объект в контексте истории*. БЧ. Вып. XIV. Керчь: Керченська міська друкарня, 2013. С. 434–438.
20. Гребенников Ю. С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н.э.). Николаев: ООО «Илион», 2008. 192 с.
21. Гречко Д. С. К вопросу о демографическом потенциале Ольвии в VI–V вв. до н.э. // *БФ. Население, языки, контакты*. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 459–463.
22. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М., Л., 1948. 391 с.
23. Гречко Д. С. Курганы конца VI – середины V в. до н.э. Нижнего Побужья: греки или скифы? // *Древности*. 2010. Вып. 9. С. 116–135.
24. Kurtz D. C., Boardman J. Greek burial customs. London and Southampton, Thames and Hudson, 1971. 384 p.
25. Чмыхов Н. А. Об истоках курганного погребального обряда греков Северного Причерноморья // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*. Запорожье, 1989. С. 169–171.
26. Lungu V. Greek – Ionien Necropoleis in the Black Sea area: Cremation and Colonisation // *Archaic Greek Culture: History, Archeology, Art and Museology*. Oxford, 2010. P. 51–58.
27. Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. К.: Наукова думка, 1993. 245 с.
28. Снытко И. А. Древнегреческие некрополи Нижнего Побужья IV–III вв. до н.э.: особенности исторической топографии, характер и структура // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь, Приднестр. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 2012*. С. 165–168.
29. Папанова В. А. Урочище Сто могил – некрополь Ольвии Понтийской. К.: Знання України, 2006. 278 с.

30. Русяева А. С. Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. К., Наукова думка, 1975. С. 174–185.
31. Kaszanowski K., Kosydarski A., Niedzwiecka E. Results of 1998–2004 anthropological studies at an ancient burial site at Koshary (the Ukraine) // ПОНТИКА-2006. Krakow, Uniwersytet Jagiellonski, 2008. P. 53–61.
32. Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Некоторые особенности некрополя Кеп в VI–V вв. до н.э. // ТС. Вып. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): тез. докл. СПб.: Изд. ГЭ, 2000. С. 45–48.
33. Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии V–IV ст. до н.э. К.: Наукова думка, 1974. 181 с.
34. Снытко И. А., Лобко А. Г. Скорченные погребения некрополей хоры Ольвии VI–III вв. до н.э. // Історія. Етнографія. Культурга. Нові дослідження. Миколаїв: Можливості Кіммерії, 2008. С. 88–93.
35. Зубарь В. М. Ещё раз по поводу интерпретации захоронений в скорченном положении из некрополя Херсонеса V в. до н.э. // Надгробите могили в югоизточна Европа. Казанлык, 1993. С. 74–75.
36. Кадеев В. И. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя // ВДИ. 1973. № 4. С. 110–116.
37. Липавский С. А. Скорченные погребения античных некрополей Северного Причерноморья VI–I вв. до н.э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. К.: Наукова думка, 1987. С. 99–100.
38. Панайотова К. Хокерите от античния некропол Апология Понтика // Марица – Изток. Археологически проучвания. София, 1994. Т. II. С. 151–155.

REFERENCES

1. Kryzhitsky, S. D. (2007). On two trends in the study of the problems of Greco-barbarian interaction in the Lower Pobuzhye of the 6th–5th centuries BC. In: *Ancient world and barbarians in southern Russia and Ukraine: Olbia. Scythia. Bosphorus*. Moscow, Kyiv, Zaporozhye, Wild Field Publ., 18–25 (in Russ.).
2. Buyskikh, S. (2007). The choir of Olbia polis (up to istoras ii scientific i rosary problems). In: *Archeology*, 1, 66–77.
3. Marchenko, K. K. (2005). Greeks and barbarians of the North-West Black Sea region in the Scythian era. In: *Greeks and barbarians of the Northern Black Sea region in the Scythian era*. St. Petersburg, 42–136 (in Russ.).
4. Solovyov, S. L. (2000). From the history of the policies of the Lower Pobuzhye: Borisfen and Olbia. In: *Antique Black Sea region*. St. Petersburg, 94–111 (in Russ.).
5. Kryzhitsky, S. D., Buiskikh, S. B., Burakov, A. V. & Otreshko, V. M. (1989). *Rural district of Olbia*. Kyiv: Naukova Dumka (in Russ.).
6. Kryzhitsky, S. D., Buiskikh, S. B. & Otreshko, V. M. (1990). *Antique settlements of the Lower Pobuzhye (archaeological map)*. Kyiv: Naukova Dumka (in Russ.).
7. Buisky, S. B. (2009). Choir of the colonial policy in the Lower Pobuzh region: from archaic to Hellenism. In: *SSPK*, XV, 225–247 (in Russ.).
8. Buiskikh, S. B. (2007). On the problem of Greco-barbarian contacts in the Lower Pobuzhye. In: *SSPK*, XIV, 110–125 (in Russ.).
9. Domansky, Y. V. (1981). Olbia and barbarians in the V century. BC. In: *Demographic situation in the Black Sea region during the Great Greek colonization*. Tbilisi: Metsniereba Publ., 157–163 (in Russ.).
10. Kryzhitsky, S. D. (1994). Olbia and barbarians (the problem of influences). In: *International relations in the Black Sea basin in antiquity and the Middle Ages*. Rostov-on-Don, 18–19 (in Russ.).
11. Snitko, I. O. (2015). *Davnogreck i Necropolis i Choir Olbia 6th–3^d centuries BC* Kyiv: Vidavets Oleg Filyuk.
12. Snitko, I. O. (2011). Pidkurgan i the chant of the necropolis in the choir of Olbia 6th–5th centuries BC. In: *Archaeology*, 1, 11–22.
13. Murzin, V. Yu. (1984). *Scythian archaic of the Northern Black Sea region*. Kyiv: Naukova dumka (in Russ.).
14. Chernenko, E. V., Bessonova, S. S., Boltrik, Yu. V., Polin, S. P., Skory, S. A., Boky, N. M. & Grebennikov, Yu. S. (1986). *Scythian funerary monuments of the steppes of the Northern Black Sea region*. Kyiv, Naukova dumka (in Russ.).

15. Ilyinskaya, V. A. & Terenozhkin, A. I. (1983). Scythia 7th–4th centuries BC. Kyiv: Naukova dumka (in Russ).
16. Lapin, V. V. (1966). *Greek colonization of the Northern Black Sea region*. Kyiv: Naukova dumka (in Russ).
17. Schliz, A. (1913). Beitrage zur prähistorischen Ethnologie. II. Die Grabhügel auf dem Gute Maritzyn. In: *PZ*, V (1–2), 114–148.
18. Krizhitsky, S. D. (2001). Olbia and skifi at 5th century BC Before nutrition about the "Skifsky protectorate". In: *Archeology*, 2, 21–36.
19. Snytko, I. A. (2013). On the ancient Greek tradition of erecting memorial alleys in the Lower Pobuzh region in the ancient era. In: *Bosporus of the Cimmerian and barbarian world during antiquity. Archaeological site in the context of history. No. XIV*. Kerch: Kerchenska miska drukarnya, 434–438 (in Russ).
20. Grebennikov, Yu. S. (2008). *Cimmerians and Scythians of the Steppe Pobuzhye (IX-III centuries BC)*. Nikolaev, Ilion LLC (in Russ).
21. Grechko, D. S. (2011). On the question of the demographic potential of Olbia in the VI-V centuries BC. In: *BF Population, languages, contacts*. St. Petersburg: Nestor-History, 459–463 (in Russ).
22. Debets, G. F. (1948). *Paleoanthropology of the USSR*. Moscow, Leningrad (in Russ).
23. Grechko, D. S. (2010). Mounds of the late 6th – mid 5th century BC Lower Pobuzhye: Greeks or Scythians? In: *Antiquities*, 9, 116–135 (in Russ).
24. Kurtz, D. C. & Boardman, J. (1971). *Greek burial customs*. London and Southampton, Thames and Hudson.
25. Chmykhov, N. A. (1989). On the origins of the burial rite of the Greeks of the Northern Black Sea region. In: *Problems of Scythian-Sarmatian archeology of the Northern Black Sea region*. Zaporozhye, 169–171 (in Russ).
26. Lungu, V. (2010). Greek – Ionien Necropoleis in the Black Sea area: Cremation and Colonisation. In: *Archaic Greek Culture: History, Archeology, Art and Museology*. Oxford, 51–58.
27. Kryzhitsky, S. D. (1993). *Architecture of the ancient states of the Northern Black Sea region*. Kyiv: Naukova dumka (in Russ).
28. Snytko, I. A. (2012). Ancient Greek necropolises of the Lower Pobuzhye IV-III centuries BC: features of historical topography, character and structure. In: *Antiquities of the Northern Black Sea region of the 3^d–2^d centuries BC*. Tiraspol, Dnestr. state. un-t them. T. G. Shevchenko, 165–168 (in Russ).
29. Papanova, V. A. (2006). *Tract One hundred graves – necropolis of Olbia Pontiysky*. Kyiv: Knowledge of Ukraine (in Russ).
30. Rusaeva, A. S. (1975). Issues of the development of the cult of Achilles in the Northern Black Sea region. In: *Scythian world*. Kyiv: Naukova Dumka, 174–185 (in Russ.).
31. Kaczanowski, K., Kosydarski, A. & Niedzwiecka, E. (2008). Results of 1998–2004 anthropological studies at an ancient burial site at Koshary (the Ukraine). In: *PIONTIKA-2006*. Krakow, Uniwersytet Jagiellonski, 53–61.
32. Sorokina, N. P. & Sudarev, N. I. (2000). Some features of the Kep necropolis in 6th–5th BC. In: *TS. No. 3. Greeks and barbarians on the Bosporus of Cimmeria (7th–1st centuries BC)*. St. Petersburg, 45–48 (in Russ.).
33. Kozub, Yu. I. (1974). Necropolis Olbia 5th–4th centuries BC. Kyiv: Naukova Dumka.
34. Snytko, I. A. & Lobko, A. G. (2008). The scorched burials of the necropolises of the choir of Olbia VI-III centuries BC. In: *Istories. Ethnography. Culture. New i before the day*. Mikolav: Mozhlivost i Kmmerr ii, 88–93.
35. Zubar, V. M. (1993). Once again about the interpretation of burials in a crouched position from the necropolis of Chersonesos 5th century BC. In: *Tombstones were buried in south-thin Europe*. Kazanlak, 74–75 (in Russ.).
36. Kadeev, V. I. (1973). On the ethnicity of the crouched burials of the Kherson necropolis. In: *VDI*, 4, 110–116 (in Russ.).
37. Lipavsky, S. A. (1987). Scorched burials of ancient necropolises of the Northern Black Sea region of the 6th–1st centuries BC. In: *Actual problems of historical and archaeological research*. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 99–100 (in Russ.).
38. Panayotova, K. (1994). Hokerite from the antique necropolis of Apolonius Pontic. In: *Maritsa – Iztok. Archaeologically, the teachings. Vol. II*. Sofia, 151–155

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Снытко Иван Алексеевич (г. Николаев, Украина) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Николаевского областного краеведческого музея;
e-mail: maharadze_v@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan A. Snytko (Nikolaev, Ukrain) – PhD (History), Senior Researcher, Nikolaev Region Museum of Lokal History;
e-mail: maharadze_v@mail.ru